

Дворы московские: пристани нашей памяти...

А вот и вторая часть совместного проекта московского и заполярного отделений Медиашколы АиФ — ответ от молодых жителей столицы своим северным коллегам. Как им живется, о чем мечтается и грустится в своих дворах — элитных и самых обыкновенных, неумолимо меняющих облик вместе со временем. Какие воспоминания оставляют нам эти маленькие миры? Правда, есть тут и свой островок памяти с немосковской пропиской — от Екатерины Роговой (Сибирь подтянулась!), но и он очень созвучен общему настроению этой подборки...

Моя дорогая вселенная Жилой комплекс «Алые Паруса»

Кристина Кузнецова

Недавно я гуляла по двору, где провела свое детство. Да, его уже заметно перестроили. Заново покрасили площадку, и теперь она зангала яркими красками. Старые качели заменили новыми, большими, с сеткой, куда помещается теперь не один человек, а сразу пять и не нужно стоять в очереди. Построили еще одну тарзанку. Здесь уже идет новая жизнь, и у нового поколения появляются свои воспоминания.

А я, несмотря на все улучшения, все равно вижу тот, мой любимый, может, и не такой красивый дворик, где выросла. Ведь правду говорят, что твое, родное, с чем связаны теплые воспоминания, будет всегда привлекательнее, чем улучшенная во много раз замена. И как только я оказываюсь на площадке, сразу думаю о наших детских играх в пиратов. Прислушиваюсь и ясно слышу, как Ника кричит мне: «Лево руля, право руля!» «Есть капитан!» — отвечаю я. «Ой-ей, надвигается буря!» — предупреждает нас Аня, глядя в бумажный бинокль. Пусть погода на самом деле ясная, светит солнце, но у нашей морской команды из трех человек в ушах свистит ветер, сыпет брызгами соленый океан, развеваются паруса, и мы мчимся навстречу приключениям.

Преодолевая трудности, сражаясь с морскими чудовищами, приплываем на остров, где обязательно спрятан сундук, набитый до отвала золотом и драгоценностями. Берем карту и идем по ней, отмеряя шаги. Сердце стучит в волнении, вот, мы почти у цели, но тут... «Кристина, Ника, пора обедать!» — зовет нас с сестрой мама. Со слезами на глазах, умоляем дать еще немного времени, но тут живот начинает предательски урчать, и все расходятся по домам до вечера.

Во дворе за один день я могла быть кем угодно. Строгим учителем, внимательным врачом, детективом. Могла выступать в цирке или перевоплотиться в секретного агента. Воображение не давало скучать, а двор казался бесконечной вселенной. В ней же случилось и дебютное падение с роликов, и футбольные матчи, первые садины и занозы, первая и удивительно крепкая дружба с человеком, который и сейчас в моей жизни играет немаловажную роль. На протяжении 13 лет мы вместе росли, поступали в школу, делили друг с другом проблемы и радости, и вот уже переходим в одиннадцатый класс...

Сколько еще впереди! Но каждый раз, когда мы собираемся дома или в уютном кафе, почему-то всегда вспоминаем наше детство, куда так хочется вернуться хоть на один денек — в наш старый верный двор вне времени и пространства.

Красиво, но... невкусно

Алла Барашук

До сих пор с теплом вспоминаю самую беззаботную пору в моей жизни: шесть лет. Так получилось, что мы с семьей тогда переехали, и я пропустила последний год детского сада. Вот это было время — живи в свое детское удовольствие!

Наш район был простым и обычным — таких в Москве тысячи. Во дворе — простенькие обшарпанные скамейки. На них, в лучших традициях, сидели передовые представители местного СМИ — бабушки. На огромных скрипучих качелях болтали взрослые девочки, а на просторах песочницы мы с ребятами выстраивали свои города. Один раз даже построили целую Россию. В нашем понимании она ограничивалась морем, Кремлем, пятью домиками и обязательно любимым детским садиком № 39 с кошкой Мусей. На лестничной площадке всегда пахло соседской выпечкой, и если у вас выпадало полчаса, то можно было забежать на этаж повыше и попробовать новые печенья тети Маши за чашечкой чая.

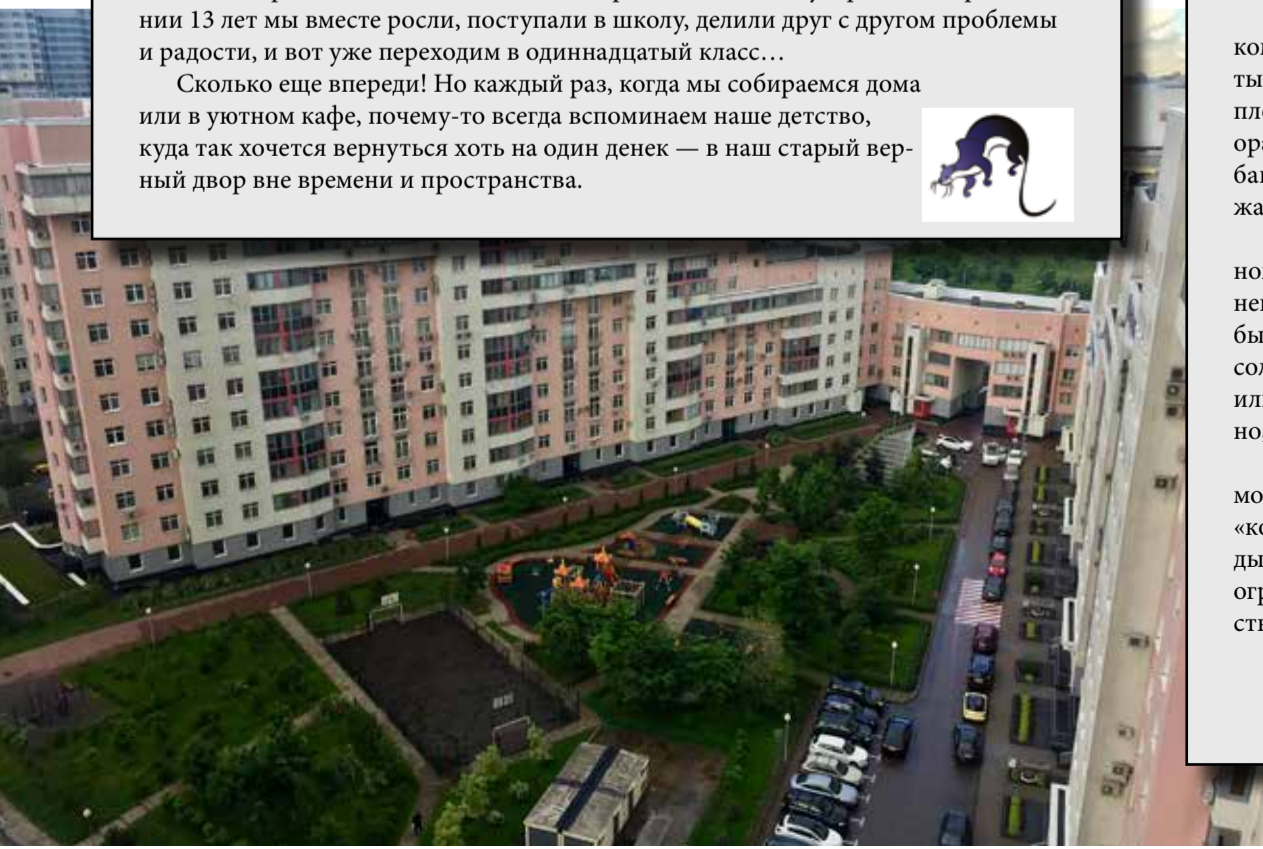
А потом мы опять переехали... Новый двор пестрил яркими, идеально покрашенными каруселями, железными крепкими качелями, огромным комплексом, где можно бегать, спускаться с трех разных горок, висеть на перекладинах и паутинках. «Вот это богатство!» — показало мне тогда. Правда, иногда было скучно. Гуляла я в основном с родителями — ребята на площадку почти не выходили, а если и играли, то тоже сами по себе. Тогда меня это волновало мало.

Потом началась школа. Тут уже дворы не пустовали — своими компаниями мы гуляли, вовсю убивали деревянные скамейки и расшатывали основания качелей. А ЖКХ каждый год упорно ремонтировал площадку. Сначала все конструкции были желтыми, потом красно-оранжевыми, еще через пару лет позеленели... Сейчас она синяя. Собак там почему-то не выгуливали, хотя не было даже табличек. Мне не жалко, маленьких чихуа-хуа я не особо любила, а больших боялась.

Наш двор всегда считался лучшим: все есть, все новое, все в отличном состоянии. Но знаете, чего не хватало? Тепла. Это как абсолютно невкусная конфета с блестящей оберткой. У нас с соседями никогда не было настоящих дворовых отношений. Никто не ходил друг к другу за солью, спичками. По вечерам дети не гоняли в казаков-разбойников или зарницу. Родители не звали нас из окон домой. Хотя тут, возможно, виноваты 20-этажные высоты...

И еще эти многочисленные заборы, охрана на каждом шагу. На самом деле попасть внутрь все равно несложно, а вот жителям от такого «комфорта» только хуже. В самый неподходящий момент, когда я опаздываю в школу по утрам, приходится еще и обходить эти длиннющие ограждения. Только годы спустя я поняла, как же бедно то, что в детстве казалось настоящим богатством. Замок из картона.

У нас красиво, пафосно и... пусто.

Лавочки ручной работы, или Интервью с двором дома 25 по ул. Академика Скрябина

Николай Побываев

Журналист (Ж), Двор (Д)

Ж.: Начнем с того, когда вы появились. Каково ваше первое воспоминание?

Д.: Я появился в 1963 году, когда в строй ввели дома за первым корпусом Ветеринарной академии. Рядом по проекту поставили две пятиэтажки. Сначала дорога, пролежавшая через меня, была грунтовая, по ней уехали, оставляя на песке «змейку» последние грузовики и автокраны с желтыми стрелами. Ушли строем с песней отряды рабочих со стройкомбината.

А потом появились они — веселая и отчаянная ватага, населявшая до того бараки по берегу Москвы-реки, а ныне счастливые обладатели отдельных квартир.

панная! — первый, кто увидел ее, бежал предупредить других, хоть и понимал, что самому ему могло не достаться этой драгоценности.

Вместе отмечали праздники, да и просто могли собраться по радостному поводу. Когда было тепло, люди, вспоминая свое барачное прошлое, выходили на танцы и шашлыки во двор. Каждый делал взносы натурой в общий котел — это и сближало.

Ж.: А бывали сборы и по грустному поводу?

Д.: Конечно. Позже, помню, лет через пять-десять после постройки, когда начали уходить наиболее пострадавшие ветераны, существовал диковатый обычай. Покойника, разумеется, не отпевали, как сейчас. Гроб с телом привозили во двор, ставили на табуретки, и начиналось шумное прощание. Протяжно разносились по воздуху тугие звуки похоронного марша. Их извлекал из инструментов военный духовой оркестр. Его приглашали специально.

Ж.: Это, наверное, жутко пугало детей... А вы их помните? Что их занимало?

Д.: Конечно, помню. Это было настоящее братство, даже крепче, чем у взрослых. Дружили по пятеро, по трое, двое. Ходили к друг другу по домам играть и общаться, случалось, подтягивали отстающих. Прыгали в бессмертные классики, в появившуюся позже «резиночку», чертили рожицы мелом на асфальте.

Ж.: Скажите, а как жильцы проводили время?

Д.: По-разному. Утренние сборы на работу и в школу, дневная дрема, когда во дворе сидели на лавочках пенсионеры, вечернее оживление. Надо сказать, что больше всего везло с порядком тем, кто был занят в Ветеринарной академии. Идти было совсем недалеко — пересек проезд, прошел через проходную и оказался на работе. Дети работников могли прийти из школы к родителям и идти обедать. Таким образом, они проводили больше времени вместе.

Ж.: Жильцы обустроивали дом, двор?

Д.: Вначале во дворе росли лишь деревья да трава. Но потом быстро устроили огороды, где выращивали себе к столу свежую зелень. Были и вечно злые владельцы цветников. Злые по той причине, что их клубы все время вытаптывали собаки. Позже, уже в 1980-е, жители некоторых

подъездов по собственной инициативе заменили деревянные двери, которые подгнили и плохо справлялись со своими обязанностями зимой — в подъездах было холодно. Те же активисты сменили и лавочки. Теперь их, конечно, меняет домоуправление. Тогда же все больше было на откупе у самих жителей. В связи с лавочками и дверьми мне вспоминается...

Ж.: Что?

Д.: Делал их очень интересный человек. Профессионал, прирожденный мастер работы по дереву. Одна из комнат его квартиры представляла собой мастерскую, пол которой постоянно устилали опилки, а в углах стояли деревянные скульптуры — например, степенного дедушки, вырубленного из толстого ствола дерева. Это был не обычный скульптор-любитель — на выставке деревянного зодчества в китайском Харбине он, между прочим, получил первый приз!

И именно он с помощью пары других жителей заменил двери и скамейки на более добротные и долговечные. После чего они прослужили еще 20 лет — только в начале 2000-х годов решили поставить все-таки новые. Согласитесь, не каждый дом и двор могут похвастаться дверьми и скамейками авторской работы от всемирно известного скульптора по дереву!

Ж.: Хорошо, а что изменилось в последнее время?

Д.: Много. Больше внимания со стороны государства. В целом, за мной стали больше ухаживать. Подметают, убирают, косят траву весной, огораживают пространство под крышей дома, чтобы на проходящих под окнами не упали сосульки, чистят крыши от снега. Года три назад расширили проезд между домами, чтобы было где проехать машинам. Никуда не делась и инициатива самих людей — по идее, подкинутой одним из жителей дома, все припаркованные автомобили переставили на дальнюю сторону проезда. Получилось четыре дополнительных места.

Ж.: Что дальше?

Д.: Возможно, скоро меня ожидает переход в совсем другое состояние. Дома назначены под снос, когда они перестанут существовать, я буду уже совсем другим. Может, на этом месте вырастут уютные домики на несколько семей — как в совсем другой части света, с которой мы так долго не хотели брать пример. Может быть — общественно полезное здание, бассейн или даже кинотеатр. Кто знает!.. Но останется наше общее прошлое — во всяком случае мне хотелось бы в это верить...

Ж.: Уважаемый двор, спасибо за интервью. Было интересно с вами поговорить!

Д.: И вам, голубчик, спасибо! Заглядывайте в наше уютное местечко, если будет возможность — ведь здесь остались и ваши следы...

Ж.: Что это были за люди?

Д.: Разные, передо мной — мозаика из тысяч лиц. Справедливости ради стоит сказать, что это были не только жители барачков. А еще и участники войны, и научные работники академии... Это разнообразие, смешение приводило к какому-то особому чувству общности.

Ж.: Как именно оно проявлялось?

Д.: Во взаимопомощи, в спайке. Припоминаю, что, когда случалась авария на водопроводе, и приезжала цистерна с водой — такая обшар-

«Лесная» школа — и в печали, и в радости почти что дом

Татьяна Писаревская

В десяти минутах ходьбы от моего дома есть старая школа, которую местные в шутку называют «лесной», потому что она прилегает к небольшому лесу. Территория ее немного похожа на парк, и там часто прогуливаются мамы с колясками, а дети катаются на велосипедах, роликах и скейтбордах. На стадионе ребята постарше играют в футбол и баскетбол.

И я училась кататься на велосипеде в этом месте, наматывая круги вокруг школы. А когда была совсем маленькая, мы гуляли там всей семьей, и я уговаривала родителей поиграть со мной в «Волшебника Изумрудного города» (тогда эта была моя любимая книга). Мне казалось, что школа идеально подходит для такой игры: вокруг возвышаются высокие деревья, рядом лес, за забором самое настоящее болото. А как мы любили собирать осенью каштаны, которых здесь было невозможно много! И, если повезет, можно было увидеть белку.

Одно из детских воспоминаний — лесная школа зимой. Деревья, на которых серебрился снег, казались мне особенно высокими и величественными, и я любила гулять там поздно вечером. А когда папа пел нам с сестрой перед сном зимние песни, мне всегда представлялось именно это место.

Еще на территории школы есть небольшой холмик, а на нем — детская площадка. Это мое любимое место. На склоне холма одиноко растет дерево, которое я давно уже считаю своим. Мне всегда нравилось сидеть на качелях и смотреть на него. Когда-то, будучи маленькой и очень романтической девочкой, я воображала, что под его кроной мне делают предложение.

Став старше, я приходила к лесной школе, когда хотела побыть одна. Каким-то образом в особенно грустные дни ноги сами приносили меня сюда. Однажды холодным зимним вечером я сорок минут сидела на качелях, глядя на то самое дерево, не обращая внимания на замерзающие руки и ноги. Стало ли мне легче? Не знаю. Но знаю, что в тот момент это было единственное место на свете, где мне хотелось быть.

Свой двор — не всегда площадка прямо перед твоим подъездом. Это место, куда хочется приходить снова и снова, которое успокаивает и приводит мысли в порядок.

Это почти что дом...

Куда хочется возвращаться всегда

Екатерина Роговая

Когда я была маленькой, у дедушки с бабушкой жил пес. Большая и невероятно красивая немецкая овчарка Алекс. С коричнево-черной шерстью, мягкой и переливающейся на солнце. За которую было так удобно держаться, когда мои 3-5 лет позволяли кататься на нем. Подходя к дому, я уже слышала его лай. Но многое изменилось с тех пор...

Алекса уже давно нет. Металлический забор цвета молодой травы в частую мелкую дырку сменился на резной деревянный, покрашенный моей рукой. Две старые бетонные плиты, ведущие от калитки к дому уступили место бледно-коралловой плитке, особенно сильно бледнеющей летом от жаркого сибирского солнца. Березкам у ворот подпилили высокие ветви, потому что они цеплялись за провода и могли их порвать в непогоду. Сам дом теперь покрыт розовым сайдингом, слева от крыльца на стене внешней веранды длинные веревки, протянутые от земли до крыши, каждую весну ждут, когда их обнимет цепкий вьюн. Подвесные качели приветствуют скрипом несмазанного металла, окутанные тенью большой яблони. На заднем дворе раскинулись грядки, летом заполненные перьями лука, капустными головами и кустиками деревенской клубники. Все так же, из года в год слышно кудахтанье кур, разбежавшихся по двору, топчущих вилоподобными лапами чеснок и путающихся в малиновых кустах. Там, за другим забором, прикрывающим дорожку в сарай, стоят клетки для кроликов, а в наземных крупных вольерах резвятся маленькие крольчата, глухо притаптывая лапками сено.

В час дня, выходя на заднее крыльцо, бабушка зовет меня и сестру обедать. Из кухонного окна робко выходит запах горячего борща, сваренного на мясистой косточке; в духовке золотой корочкой покрывается пирог с яблоками и ягодами. Слышен скрип крыльца под шагами проходящих на обед с работы дедушки и тети, бросающих короткий взгляд на усеянные бабочками и жужжащими пчелами пионы на круглой, окруженной острыми декоративными камнями, клумбе...

От легкого ветерка шумят герцогини-березки, немногим заглушая рокот изредка проезжающих по улице машин. И проходят по ней люди из таких же сельских домов, и заходят в свои дворы, придерживая калитки. А я думаю: «Ведь внешне эти дворы и дома так похожи один на другой.

И все же хранят разное тепло и уют, разные воспоминания, у каждого своя история и свои тайные знаки. Но ведь, наверное, всем так приятно возвращаться сюда — домой. Снова и снова...

